

**Игорь
БОБРИН:**

ЗАНИМАТЬСЯ СВОИМ ДЕЛОМ

Сегодня у нас в гостях человек, хорошо знакомый каждому любителю фигурного катания. На состязаниях любого ранга, неизменно, независимо от занятого места, выходил на лед с показательными номерами чемпион Европы, призер мирового первенства, заслуженный мастер спорта СССР Игорь Бобрин. Элегантный и обаятельный, дерзкий и остроумный, он всегда срывал лавинную долю аплодисментов и зрительских симпатий.

Мастерство выдающегося спортсмена удачно сочеталось в нем с подлинным артистизмом. И поэтому мы нисколько не удивились, увидев Игоря в составе участников уникального ледового шоу-представления «Все звезды».

ВСТРЕЧИ В ГОСТИНОЙ «ПС»

— Совсем недавно мы аплодировали Бобрину-спортсмену, и вот — встреча с Бобриним-артистом. Каким образом произошла эта метаморфоза?

— Как мы ни готовимся к уходу из большого спорта, но этот момент всегда наступает неожиданно, и всегда он очень тяжел. У каждого спортсмена, наверное, остается какая-то горечь, чувство, которое можно просто определить фразой: «Мог бы еще...». Я — не исключение. И поэтому колебаний, когда я принимал решение войти в состав вот этой самой нашей группы фигуристов, не испытывал.

— И не жалеете об этом? Ведь многие ваши товарищи по сборной еще продолжают свою жизнь в большом спорте. Не испытываете ли и вы чувство зависти, когда видите их выступления?

— Нет, такого я за собой не замечаю. Выступления ребят всегда смотрю с интересом, но завидовать... Нет. Я ведь тоже могу еще очень многое сделать, претворить в жизнь давние замыслы, идеи. У нас неограниченный простор для творчества, который не зажат в определенные рамки судебного восприятия. В моей жизни наступил совсем другой, новый этап. И я хочу сделать все, чтобы он был, по крайней мере, не хуже прежнего.

— Волнуетесь ли вы перед выходом на лед? Или волнение осталось в прежнем, «соревновательном» периоде?

— Конечно, волнуясь, но меньше, чем раньше. Ведь сейчас передо мной стоят совсем другие цели, другие задачи. Поэтому и чувство волнения стало другим. Но я считаю, что если человек делает свое дело равнодушно, не переживая за исход его, то, конечно, это никого не затронет. И теперь я волнуюсь не за баллы, выставленные мне судьями. А переживаю, понравится ли мое выступление зрителям, удастся ли установить с ними контакт.

— А как вы относитесь к своей популярности?

— Равнодушно. К тому же я не яркий типаж. Меня редко ожидают на улице и мне вслед не оборачиваются. Но когда меня узнают на льду — это трогает. У меня лично такое впечатление, будто из большого спорта я ушел очень давно, и фигуриста Бобрин никто уже не помнит. И вот, во время выступления, когда только раздастся музыка к моему первому номеру, зрители начинают аплодировать. Это приятно. Значит, тебя узнали. И сразу со зрительским

залом устанавливается контакт и появляется настроение, работается на подъеме. Я считаю, это и есть главное — чтобы тебя узнавали в деле.

— Игорь, сколько вы помните, вы всегда были на льду артистом. Даже в начале вашей спортивной карьеры журналисты писали: «...обладает незаурядным артистизмом». Это у вас по наследству? Или вы из спортивной семьи?

— Ни то, ни другое. Отец работал в строительном управлении, мама — киномехаником. Сейчас оба они на пенсии.

— Но может быть, вы учились в театральном кружке или занимались художественной самодеятельностью?

— Профессионально — никогда. Но к художественной самодеятельности всегда тяготел и, случалось, бывал заводилой в разных затеях. А потом жизнь свела с замечательными людьми, которые научили меня подмечать какие-то незначительные, но очень нужные штрихи, детали и затем передать все это на льду.

— Вы ведь тренировались у Москвина?

— Да, у Игоря Борисовича Москвина. А последние три года, когда переехал из Ленинграда в Москву, занимался у Юры Овчинникова.

— Игорь, а как относятся ваши бывшие товарищи по сборной к вашему нынешнему амплу? И почему, например, к вам не присоединяются такие выдающиеся фигуристы, как Роднина с Зайцевым или, скажем, Пахомова с Горшковым?

— Понимаете, им, наверное, немного не повезло. Ведь когда они уходили из спорта, то подобного «ледового шоу» еще не было. А идти в большие коллективы, вроде балета на льду, не все фигуристы решаются. Там ведь талант в какой-то мере нивелируется, теряется творческая индивидуальность. А теперь уже Ира Роднина нашла себя в тренерской работе, и Мила Пахомова тоже занимается своим делом. Думаю, была бы раньше такая возможность, то многие наши «звезды» еще много лет катались бы. Мила Пахомова с Сашей Горшковым — то уж наверняка. И Ира Моисеева с Андреем Миненковым тоже. А отзываются все они о нашем «шоу» очень хорошо.

— Можете назвать самое знаменательное событие в вашей жизни?

— Сложно сказать... Нет, на такой вопрос мне трудно ответить.

— Ну, а совершали вы поступки, о которых приходилось потом жалеть?

— Наверное, неоднократно... Да, были ошибки и в работе,

и... Впрочем, пожалуй, только в работе. Случалось из-за своих ошибок и людей подводить. Но это все-таки рабочие промахи, и я считаю их простительными.

— Глядя на ваши выступления, кажется, что вы открытый, общительный человек. А как на самом деле, легко сходитесь с людьми?

— Пожалуй, да. Но если человек мне не нравится, я не могу кривить душой. Считаю это своим недостатком. Наверное, надо быть более гибким в жизни. Но как ни убеждаю себя в этом, на деле ничего не получается. Другой ценю за то, что могу быть с ними предельно прямым.

— А за что человек может вам не понравиться?

— Не терплю в людях два «Л» — ложь и лицемерие, когда оно открытое.

— А скрытое, значит, прощаете?

— Скрытое не сразу распознаешь. Порой его не видишь. Кажется, что это — уча-

стие, дружеское отношение к тебе.

— Игорь, а какие качества вы цените в себе? Не как в фигуристе, конечно, как в человеке.

— Наверное, то, что я умею слушать людей. Потому что сам я очень ценю это качество у окружающих. А еще? Ну, не знаю... Трудно о себе говорить...

— Вы верите в талисманы, приметы, счастливые и несчастливые числа?

— Вы знаете, все это — игра. Были, конечно, у меня свои талисманы. И мне это помогало в соревнованиях. Не сам талисман, конечно. Просто надо как-то разрядиться психологически, вот и придумываешь себе игру. И понимаешь, это все несерьезно, но все же придаешь значение приметам, числам и разной чепухе. Кстати, к числу 13 я всегда относился равнодушно.

— Многих людей привлекает в фигурном катании не только техническая, но и эстетическая сторона: музыка, красивые, яркие, необычные костюмы. Я знаю, что их разрабатывают художники — модельеры, но ведь бывает, что и сами спортсмены участвуют в этом творчестве. Как вы относитесь к моде?

— К моде отношусь серьезно, считаю, что надо постоянно за ней следить. Но нужно всегда знать, что именно ты хочешь от нее получить и что она может тебе дать. Надо подходить к моде строго индивидуально. Мы с женой часто ходим на демонстрации

моделей Вячеслава Зайцева. И каждый раз много выносив отсюда в мыслях. Но ведь то, что предлагает Зайцев, хотя и красиво, но не всегда приемлемо для жизни. Надо выбирать из его фантастических ансамблей что-то подходящее только тебе одному, не выделяясь в то же время из всех.

— Простите за небольшое отступление, но думаю, читателям газеты это будет интересно. Ваша жена тоже спортсменка?

— Да, мою жену — Наташу Бестемьянову, думаю, все любители фигурного катания хорошо знают.

— Продолжим о моде. О моде, на этот раз со спортивным уклоном. Сейчас очень много людей увлекается аэробикой. Что вы думаете об этом?

— Аэробика — это прекрасное изобретение века. Но мне лично не нравится то, что люди, кажется, забыли: для чего же она, собственно, нужна. Ведь аэробика — это не производственная гимнастика и не спортивные занятия. Она должна тонизировать психику человека, его мироощущение, давать заряд бодрости. А я вот смотрю, как занимаются сейчас аэробикой, и вижу, что люди устают. Видимо, наши программы еще не совсем совершенны. Идет поиск оптимального решения, и, думаю, скоро специалисты разработают единую учебную программу. А пока я смотрю по телевидению урок ритмической гимнастики и чувствую,

что вот это упражнение людям сложно сделать, а вот это не снимает усталости с предыдущего. Я это телом понимаю, как спортсмен.

— А сами не пробовали заниматься?

— Почему нет? С нами три месяца работала Наталья Михайловна Волкова из ансамбля Игоря Моисеева. И сейчас мы все каждый день 45 минут занимаемся аэробикой.

— Можно только позавидовать такой жизни: позанимались час аэробикой, вечером откатали свои старые программы — вот и весь труд артиста, глядя со стороны. А на самом деле?

— С утра — класс. Час занимаемся у балетного станка, полчаса работаем над характерными танцами. Потом — аэробика, уже говорил. Затем полтора часа на льду — тренировка. Вечером — «раскатка» на льду 45 минут. И, наконец, два часа — выступление. Подсчитайте, сколько получается?

— А в выходной вы дали три выступления. Тяжело, наверное...

— Да, и физически устаешь, а особенно — морально. Ведь зритель не должен почувствовать, что я сегодня уже два раза откатался. Поэтому я обязан делать все так, будто это первое мое выступление. А насчет старых программ... Во-первых, многие зрители и приходят посмотреть любимые номера. Во-вторых, самое трагичное для меня, если кто-то во время моего выступления скажет: «А, это я уже видел». Даже номера, которые уже, наверное, каждый видел, я все время обновляю.

— Да, сколько лет вы показываете «Ковбоя», и всегда он проходит на «бис»...

— Спасибо. Только, пожалуйста, больше о «Ковбое» ни слова. Я столько раз уже о нем журналистам рассказывал, что, наверное, поседел от этих рассказов-расспросов.

— Это намеренно или на ваше отношение к пишущей братии?

— Нет-нет, к журналистам я отношусь очень хорошо.

— Тогда еще два вопроса. У вас есть увлечение, или, как говорится, «хобби»?

— Давно хотел завести собаку. Но раньше не мог себе этого позволить из-за кочевой жизни, а теперь у меня есть полугодичный мраморный дог.

— Разве теперь все меньше стали ездить? По-моему, все время на колесах.

— А я беру его с собой. Горький — первый город, куда я его не привез. Представилась возможность оставить его дома с Наташей. И знаете, уже скучно без него.

— Ну и последний вопрос, Игорь. Есть ли у вас жизненный девиз?

— На такой вопрос трудно отвечать. Сказать что-то банальное не хочется... Ну, если хотите, главное — сделать свою жизнь интересной, заниматься своим делом.

Гостя принимал А. МИГОВ
НА СНИМКЕ: во время выступления фигуристов горьковский скульптор Виктор Пурхов начал работать над скульптурным портретом Игоря Бобрин. Фото Н. МОШКОВА.

